

— Что?.. — Линь Чжияй моментально изменился в лице.

Цзян Вэйхуа чеканил каждое слово:

— Наша с тобой автокатастрофа — вовсе не случайность.

— Не случайность?! — повторил Линь Чжияй с невольным изумлением.

В прошлой жизни в этот самый момент его уже похитили, поэтому он и понятия не имел, стоял ли кто-то за массовым столкновением на дороге. Но теперь, услышав подтверждение своих худших догадок, он ощутил, как сердце наливается свинцовой тяжестью.

— Могу я спросить... кто за этим стоит?

— Пока могу сказать лишь одно, — лицо Цзян Вэйхуа потемнело, а пальцы, лежавшие на подлокотниках инвалидного кресла, сжались в кулаки. — Нам удалось выяснить только то, что метили в семью Цзян. Ты и сам понимаешь: мой отец за долгие годы перешел дорогу слишком многим. Тут и криминальные авторитеты, и продажные чиновники, увязшие в коррупции и сросшиеся с мафией и бизнесом. Желających отправить отца — да и всю нашу семью — на тот свет хоть отбавляй.

«Погоди-ка...» — мысль озарила Линь Чжияя вспышкой.

В оригинальном романе Корпорация Жуань под конец не просто подчинила себе рынок США и Европы, но и раскинула щупальца по всему Китаю. Ее дочерние предприятия одно за другим захватывали ключевые отрасли, сделав владельцев богатейшими людьми планеты с колоссальным отрывом от ближайших конкурентов.

И Линь Чжияй вспомнил одну деталь, упомянутую в книге вскользь, буквально одной строчкой: на свадьбе Жуань Цзяоцзяо несколькими высокопоставленным чиновникам из Китая отвели почетные места за главным столом. Семья Жуань поддерживала с ними весьма теплые отношения. И одним из этих покровителей, кажется, был... Мэн Вэйчэн? В будущем — градоначальник Пекина, первое лицо столицы.

Вот только сейчас Мэн Вэйчэн не занимал ни первой, ни второй руководящей должности в Пекине. Когда же он успел так взлететь?

Что до остальных фигурантов из того списка — утверждать на сто процентов нельзя, но если они водили дружбу с кланом Жуань, то наверняка увязли в нечистых делах.

«Как же я раньше упустил это из виду? — ругнулся про себя Линь Чжияй. — Смотрел только на то, как Корпорация Жуань орудует на финансовых рынках...»

Помолчав немного, он осторожно спросил:

— Вы что-нибудь слышали о человеке по имени Мэн Вэйчэн?

Линь Чжуй не стал выкладывать все имена. Во-первых, прямых улик у него не было, во-вторых — нельзя спугнуть добычу раньше времени. Пусть семья Цзян и казалась надежным союзником, раскрывать сразу все карты было бы верхом глупости. Да и самим Цзянам лишние опасные знания сейчас ни к чему.

— Мэн Вэйчэн? — Цзян Вэйхуа нахмурился и на пару секунд задумался. — Кажется, он сейчас заменяет второго человека в провинции Н... А что, с ним что-то не так?

— Не могу утверждать наверняка, — сдержанно ответил Линь Чжуй. — Просто его имя всплывало в разговорах тех людей, которые жаждут моей смерти.

— Да кто же эти люди? — Цзян Вэйхуа пристально посмотрел ему в глаза. — Неужели всё ограничивается теми персонажами, о которых ты говорил раньше?

Взгляд Линь Чжуй омутом затянула темная, непроницаемая дымка. Он едва заметно приподнял веки, не позволяя собеседнику прочесть свои мысли.

— Господин Цзян, я ни в коем случае не стану скрывать то, что может вам помочь. В конце концов... и моя судьба, и надежда очистить имя всей семьи Линь теперь полностью зависят от заместителя секретаря Цзяна.

Цзян Вэйхуа выдержал паузу, а затем слабо усмехнулся:

— Ну ты и скажешь. Я верю тебе. Но если всплывут новые детали, прошу, сообщи мне как можно скорее. Ты спас мою дочь, и я расшибусь в доску, но помогу тебе. К тому же... — он сделал небольшую паузу, — теперь это касается не только тебя одного. И еще. Я уже наведлся в тюрьму, навестил твоего отца и сестру.

— Как они?! — тут же подался вперед Линь Чжуй.

— Скажу так: сейчас им куда лучше, чем было до моего визита, — весьма сдержанно произнес Цзян Вэйхуа. Он опасался, что подробности подкосят и без того тяжелораненного юношу и помешают его восстановлению.

Откуда ему было знать, что Линь Чжуй осведомлен обо всем гораздо лучше...

С тех пор как его отца и младшую сестру, занимавшую важный пост в семейной компании, оболгали и бросили за решетку, для них начался сущий ад. Их не истязали с такой

изошренностью, как его самого, однако над ними измывались изо дня в день. Побои, унижения, издевательства... Пока в конце концов оба не сгинули в казематах, замученные до смерти. А эти твари еще и бахвалились своей «великодушной милостью» — мол, хоть тела изверги не изувечили до нераспознаваемости, оставили целыми!

Глаза Линь Чжиюя предательски защипало от подступивших слез. Сделав глубокий, судорожный вдох, он сжал зубы и удушил накатившую, подпирающую горло боль, не дав красноте застелить взгляд.

— Спасибо, — тихо проговорил он. — Огромное... спасибо.

— Спасибо вам всем! Огромная благодарность каждому, кто разделяет со мной этот незабываемый вечер!

В то самое мгновение в величественном поместье семьи Жуань — известном также как поместье Карлинат, заслужившем славу одного из самых роскошных и грандиозных владений в мире, — разворачивалось торжество, за которым следил весь земной шар.

Особняк, расположившийся в штате S в США, занимал под сотню акров, не считая прилегающего к нему пригородного лесопарка. Нынче здесь яблоку негде было упасть от сильных мира сего — знати, магнатов и высокопоставленных лиц.

Жуань Цзяоцзяо в откутурном платье стоимостью в десятки миллионов долларов стояла на возвышении, утопавшем в гирляндах из редких цветов и россыпях бриллиантов. Ослепительные софиты заливали ее локоны янтарным светом, подчеркивая каждый жест, каждую улыбку. Девушка казалась выточенной из драгоценного нефрита статуэткой, сошедшей с небес дочерью богов.

На ее ресницах заблестели трогательные слезинки:

— Лишь за этот короткий месяц я наконец узнала, что такое настоящий дом. За восемнадцать лет жизни у меня впервые появились люди, которые по-настоящему любят меня... Спасибо вам, что пришли на мой праздник. Я хочу объявить всему миру: у меня есть семья! Мои родные всегда защитят меня, и отныне никому не позволено меня обижать!

Стоявшие у сцены члены семьи Жуань с трудом сдерживали рыдания от умиления. Гости в зале растроганно перешептывались: надо же, эта безупречная, невероятная девушка пережила столько лишений в прошлом! Никто из присутствующих не мог устоять перед ее очарованием.

Даже миллионы зрителей по ту сторону экранов ликовали так, будто эта речь касалась их самих. Тренды и поисковые запросы более чем трех десятков стран оказались полностью

забиты новостями о Жуань Цзяоцзяо. Что уж говорить о Китае: даже в захудалой, прокопченной забегаловке в самом глухом трущобном квартале старый пузатый телевизор транслировал эти кадры.

— Мать честная... — разинул рот пожилой работяга-строитель, позволивший себе разок в кои-то веки взять жареную лапшу с яйцом и мясом. — Это ж сколько у этих Жуаней денег-то?!

Он ошарашенно глазел на немыслимую роскошь, мелькавшую на экране, пока зажатый в деревянные палочки кусочек арахиса не выскользнул и не покатился по липкому от жира столу. Старик тут же ловко подхватил его и отправил в рот.

— Да семейство Жуань из первой тройки «Форбс» годами не вылезает! — вставил слово измазанный в глине парень за соседним столиком. — У них же закрома трещат — двести миллиардов долларов! Это ж больше триллиона юаней! Наш дядя Ма рядом с ними вообще нищий!

— Да уж, наш самый богатый олигарх для них так, мелюзга, — поддакнула молодая девчонка.

Она держала в руках лепешку с сочной тушеной картошкой и заворажено, не сводя глаз, смотрела на экран:

— Вот бы и я оказалась потерянной дочкой какого-нибудь миллиардера... Как же я этой Жуань Цзяоцзяо завидую!

— А я слыхала, эта Жуань Цзяоцзяо и до того, как ее нашли, была девкой хоть куда, — вздохнула пожилая женщина. — Над ней тут, в Китае, издевались как могли, а она всё равно и училась на одни пятерки, и умница, и петь-плясать умеет!

— Эх, бедняжка... Столько горя перенесла, а человеком осталась. Золотая девочка...

Пока в зальчике шел оживленный разговор, сальную занавеску на входе кто-то с треском отдернул. В помещение ввалилась коренастая, низкорослая хозяйка заведения в пестром ситцевом фартуке. В руках она держала поднос с дышащей паром глубокой тарелкой, доверху наполненной тушеной свининой с крахмальной лапшой и нашинкованным картофелем.

— Вот ведь молодежь пошла, одни переводчики продуктов! — проворчала она во все горло. — Наказывали четыре блюда, а к двум даже палочками не притронулись! Сяо Хуа, забирай эти остатки домой, почти не тронуты.

Девушка по имени Чжао Хуа, все это время безмолвно сновавшая по залу — то подносявшая воду, то вытиравшая липкие столы, — наконец подняла голову. В ее впалых глазах застыла беспросветная, запредельная тупая боль. Лицо было настолько истощенным и изможденным, что голова казалась непропорционально большой на тонкой шее. И всё же она искренне

прошептала:

— Спасибо вам, тетушка.

— Да за что спасибо-то, пустяки!

— Я знаю, что вы ко мне добры, — Чжао Хуа снова опустила взгляд и принялась за работу. — Заберу мамане. Она как раз обожает вашу лапшу.

— Ох, маме... Ты и сама поесть не забудь, — хозяйка сокрушенно вздохнула. Жалко ей было девочку: отца нет, мать с ума сошла, а сама в такие годы кожей да костями светит, видать, отродясь досыта не едала. — Ладно, бросай тряпку, сначала еду убери.

Чжао Хуа замешкалась на миг, после чего покорно и отрешенно поставила пиалу на поднос.

Из динамиков старенького телевизора зазвучали утонченные рулады скрипки — на экране улыбающаяся Жуань Цзяоцзяо кружилась в изящном танце.

Чжао Хуа на секунду замерла, а затем под эту величественную музыку принялась перекладывать чужие недоеденные обрезки в помятый судочек из нержавеющей стали.

<http://bllate.org/book/20647/2112375>